

УДК 349.414

DOI 10.52575/2712-746X-2024-49-2-319-328

Земельный вопрос в советских Конституциях

Эйриян Г.Н.

Пермский государственный национальный исследовательский университет
Россия, 614068, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15

eiryan_psu@mail.ru

Аннотация. Важной задачей науки земельного права является выявление закономерностей возникновения, функционирования и развития различных правовых явлений, охватываемых ею. В этой связи особое значение имеет анализ конституционных положений о земле, в концентрированном виде отражающих суть земельной политики государства на определенном этапе своего существования. В исследованиях по земельному праву анализ советских конституций проводится в целях изучения как динамики и тенденций развития земельного законодательства в целом, так и эволюции правового регулирования отдельных сфер земельных отношений. Вместе с тем, такие исследования не всегда сопряжены с должным вниманием к конкретно-историческим условиям становления соответствующего законодательства. Целью настоящей работы является установление факторов, предопределивших формирование и последующее развитие земельно-правовых норм советских Конституций, в контексте общей логики государственного строительства соответствующего исторического периода. Основу исследования составил историко-правовой метод, который позволил раскрыть политико-правовой смысл положений о земле в каждой из советских Конституций. В результате исследования был сделан вывод о том, что земельно-правовые нормы, закрепленные в советских Конституциях, являлись производными от политической обстановки и коррелировали с фазами государственного и социалистического строительства.

Ключевые слова: советские Конституции, земельная политика советского государства, социализация земли, национализация земли

Для цитирования: Эйриян Г.Н. 2024. Земельный вопрос в советских Конституциях. *НОМОТНЕТІКА: Філософія. Соціологія. Право*, 49(2): 319–328. DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-2-319-328

Land Issue in the Soviet Constitutions

Gulnur N. Eyrian

Perm State University 15,

15 Bukireva St, Perm 614068, Russian Federation

eiryan_psu@mail.ru

Abstract. An important task of the land law science is to identify the patterns of the emergence, functioning and development of the various legal phenomena covered by it. In this regard the analysis of the constitutional provisions on land, which concisely reflect the essence of the State's land policy at a certain stage of its existence, is of particular importance. In studies on land law the analysis of Soviet constitutions is carried out to study both the dynamics and trends in the development of land legislation in general, and the evolution of the legal regulation of particular spheres of land relations. However, such studies do not always give due consideration to the specific historical context in which the relevant legislation is developed. The aim of this work is to identify the factors that determined the formation and subsequent development of the Soviet Constitutions' land law norms, in the context of the general logic of state-building of the relevant historical period. The study is based on a historical and legal method that

allowed to reveal the political and legal meaning of the provisions on land in each of the Soviet constitutions. The study concluded that the land law norms enshrined in the Soviet Constitutions were derived from the political situation and correlated with the phases of state and socialist construction.

Keywords: Soviet Constitutions, land policy of the Soviet state, land socialization, land nationalization

For citation: Eyrian G.N. 2024. Land Issue in the Soviet Constitutions. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 49(2): 319–328 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-2-319-328

Введение

Современные исследования по земельному праву нередко включают анализ конституционных положений о земле советского периода. Как правило, указанные положения рассматриваются в сравнении с нормами действующей Конституции РФ, иными нормативными правовыми актами, что позволяет выявить динамику и основные тенденции развития законодательства о земле и иных природных ресурсах [Аверьянова, 2010]. Конституционные положения находят свое отражение и в работах, посвященных отдельным сферам природоресурсных отношений, в частности при рассмотрении эволюции отдельных правовых явлений. К примеру, Г.А. Волков на основе результатов ретроспективного анализа советского законодательства пришел к выводу о самостоятельности природоресурсных отраслей права, что проявляется, в частности, в преемственности земельного, водного, лесного, горного, фаунистического права Союза ССР [2018]. М.М. Бринчук, уделяющий в своих работах особое внимание конституционным положениям, сделал ряд принципиально важных выводов применительно к регулированию природоресурсных отношений. Например, им обоснован тезис о специальном правовом режиме природных ресурсов [2021]. С учетом конституционных положений о земле советского периода в литературе сделаны заслуживающие внимания выводы об экологической функции государства в современный период [Русин, 2012], разрешительном типе правового регулирования земельных отношений [Грыда, 2021], балансе публичных и частных интересов в сфере отношений по использованию земельных участков [Эйриян, 2021] и некоторые другие.

Вместе с тем в работах, связанных с анализом конституционных положений о земле советского периода, не всегда должное внимание уделяется конкретно-историческим условиям их формирования, что не позволяет в полной мере установить те факторы, которые повлекли соответствующие изменения в земельном законодательстве.

Целью исследования является выявление исторических причин и предпосылок, детерминировавших эволюцию земельно-правовых норм, включенных в Основной Закон советского государства.

Остановимся в первую очередь на аспектах наиболее принципиальных, позволяющих хотя бы пунктирно проследить логику упомянутой эволюции. Для того чтобы составить общее представление об исторически аспектах развития советских конституционных положений о земле, в рамках данной статьи автор проанализирует Конституцию РСФСР 1918 г.¹, а также Конституции СССР 1924 г.², 1936 г.³ 1977 г.⁴.

¹ Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (принята V Всероссийским съездом Советов 10.07.1918) // СУ РСФСР. 1918. № 51. Ст. 582.

² Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (утверждена резолюцией II-го Съезда Советов Союза ССР от 31 января 1924 г.) // Вестник ЦИК, СНК и СТО СССР. 1924. № 2. Ст. 2.

³ Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (утв. Постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов СССР от 05.12.1936) // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1936. 6 декабря.

⁴ Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята ВС СССР 07.10.1977) // Ведомости ВС СССР. 1977. № 41. Ст. 617.

В процессе рассмотрения заявленной темы применялись методы общенаучные (метод формальной и диалектической логики; методы сравнения, описания, интерпретации) и частно-научные (формально-юридический, метод грамматического, исторического, систематического, логического и телеологического толкования правовых норм) методы познания.

Земельный вопрос в первых Конституциях РСФСР и СССР

Первая Конституция РСФСР была принята V Всероссийским съездом Советов в июле 1918 г. Появление этого документа де-факто подводило черту под первым этапом большевистского правотворчества, развернувшегося с октября 1917 г. Принятый в условиях разворачивающейся гражданской войны в России документ содержал основные нормы и принципы, которые должны были лечь в основу социалистического государства, строившегося большевиками. Необходимо отметить, что в 1917–1918 гг. земельный вопрос оставался одним из ключевых на повестке дня: если в 1917 году посредством принятия Декрета «О земле»¹ большевики стремились заручиться поддержкой крестьянского большинства, чьи симпатии находились на стороне социалистов-революционеров (эсеров), то принятый в феврале 1918 г. Декрет «О социализации земли»² развивал заложенный ранее правовой фундамент и конкретизировал положения, связанные с землепользованием, уравнивательным распределением земли и т. д.

Н.Н. Аверьянова по поводу указанных декретов пишет, что «именно большевики, первыми осознав важность вопроса, закрепили природоресурсные положения актами столь высокого уровня. Эти акты по природе регулируемых отношений в большей мере имеют конституционный, нежели отраслевой, характер» [2010]. А.П. Анисимов, А.И. Мелихов замечают: «Исходные установки Декрета "О земле" получили свое развитие в Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа, принятой в январе 1918 г. III Всероссийским Съездом Советов и вошедшей затем в первую Конституцию РСФСР» [2009].

Земельно-правовые положения Конституции 1918 года все еще нацелены в первую очередь на крестьянство, несмотря на то, что советская земельная политика к лету 1918 г. начала ужесточаться по сравнению с обещаниями, декларируемыми во время прихода большевиков к власти. Классики науки советского конституционного права, анализируя первую российскую Конституцию и развивая ленинские постулаты, отмечали, что «в условиях России, с ее крепостническими пережитками, царизмом, сословностью, на пролетариат ложится особая миссия по руководству крестьянством, миссия освобождения крестьянина и от капиталистического, и от крепостнического гнета» [Кукушкин, Чистяков, 1987]. Не отрицая значимость крестьянского населения для раннего большевизма, напомним, что уже весной 1918 г. на фоне кризиса продовольственных заготовок ленинское правительство переходит к политике продовольственной диктатуры, создавая комитеты бедноты (комбеды) и решая тем самым задачи, связанные с обеспечением города, где концентрировался основной электорат большевизма. Верно было подчеркнуто В.В. Никулиным, что «до весны 1918 г. аграрная политика большевиков базировалась на реальной оценке экономических ожиданий крестьянства, что обеспечило им политическую лояльность крестьян» [Никулин, 2022]. Тем не менее в условиях внутригосударственной нестабильности и начала противостояния с белыми большевики делают ставку на мобилизацию своей социальной базы, отказываясь от проведения компромиссного курса в отношении крестьянства.

¹ Декрет «О земле» (принят II Всероссийским съездом Советов 27.10.1917). СУ РСФСР. 1917. № 1. Ст. 3, 2-е изд.

² Декрет ВЦИК от 19.02.1918 «О социализации земли» (вместе с «Инструкцией для установления потребительно-трудовой нормы землепользования на землях сельскохозяйственного значения»). СУ РСФСР. 1918. № 25. Ст. 346.

Преемственность положений Конституции 1918 г. в отношении Декретов «О земле» и «О социализации земли» прослеживается уже в первых статьях Основного Закона: п. «а» ст. 3 гласит, что «в осуществление социализации земли частная собственность на землю отменяется, и весь земельный фонд объявляется общенародным достоянием и передается трудящимся без всякого выкупа, на началах уравнительного землепользования». Для земледельческого населения «идея поземельного равнения была столь справедлива и законна, что перед нею умолкали даже те его группы, которые теряли от ее осуществления. Так исторически был оправдан принцип Октябрьской революции – уничтожение частной собственности на землю» [Розенблюм, 1927, с. 360].

Помимо уже упомянутых нами аспектов, с позиций науки земельного права представляет интерес категория общенародного достояния¹, которая вводится большевиками, однако не детализируется. Следующее же положение (п. «б» ст. 3) добавляет смежную категорию национального достояния, которая также не раскрывается: «Все леса, недра и воды общегосударственного значения, а равно и весь живой и мертвый инвентарь, образцовые поместья и сельскохозяйственные предприятия объявляются национальным достоянием». Принципиально то, что большевики не оперируют в приведенных нами фрагментах ст. 3 понятием «национализация земли», осознавая чуждость данного концепта крестьянству: исходя из логики политической целесообразности, большевики, уже вступившие в прямое противостояние с белыми, стремятся скрыть свои основные программные установки, откладывая их реализацию на время постконфликтного урегулирования.

Временность подобной политики отчасти проглядывает из текста ст. 9 Конституции 1918 г., в которой законодатель прямо указывает на «переходный момент», заявляя при этом об «установлении диктатуры городского и сельского пролетариата и беднейшего крестьянства...» в качестве основной цели советской власти на текущий период.

Таким образом, можно заключить, что земельно-правовые положения Конституции 1918 г., носящие консенсусный по отношению к интересам крестьянства характер, не соответствуют изначальным программным целям большевизма и сформулированы подобным образом в первую очередь для удержания крестьянского большинства на своей стороне в условиях гражданской войны. При этом отсутствие четкой дефиниции таких категорий, как общенародное достояние и национальное достояние, дает законодателю простор для интерпретаций и возможность адаптировать правовой смысл, вкладываемый в понятия, под сиюминутные политические нужды.

В совсем иных условиях принималась Конституция 1924 года. Завершение гражданской войны в России в начале 1920-х гг. и образование СССР в декабре 1922 г. обусловили переход к новому этапу государственного строительства, требовавшего пересмотра правовых норм, ранее сформулированных для переходного периода. С точки зрения экономических реалий уместно вспомнить о том, что на X съезде РКП(б) в марте 1921 г. было принято решение о переходе к новой экономической политике (НЭП), ставшей вынужденным ответом на недовольство населения политикой «военного коммунизма» и продрозверсткой в частности. Конституция 1924 года опирается на Декларацию об образовании СССР и Договор об образовании СССР, ставшие ее первым и вторым разделами соответственно.

Конкретизации земельно-правовых норм в Основном Законе практически нет, что может объясняться тем, что незадолго до этого, в октябре 1922 г., постановлением ВЦИК, принятым на 4 сессии IX созыва, был введен в действие Земельный кодекс РСФСР (ЗК РСФСР 1922 г.)². Формирование советского отраслевого законодательства в 1920-е гг.

¹ Подробнее о соотношении понятий «достояние» и «собственность» см., например, [Бринчук, 2022; Эйриян, 2021].

² Постановление ВЦИК от 30.10.1922 (ред. от 27.12.1926) «О введении в действие Земельного Кодекса, принятого на 4 сессии IX созыва» (вместе с «Земельным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.»). СУ РСФСР. 1922. № 68. Ст. 901.

предопределило отсутствие необходимости повторять данные нормы в Конституции. Напомним, что ЗК РСФСР 1922 г. больше не оперирует понятиями «общенародное достояние» либо «национальное достояние»: ст. 2 ЗК РСФСР указывает на то, что «все земли в пределах Р.С.Ф.С.Р., в чьем бы ведении они ни состояли, составляют собственность рабоче-крестьянского государства». Основные положения ЗК РСФСР 1922 г. сводятся к закреплению государственной собственности на землю и установлению трудового землепользования как основной формы использования земель гражданами [Рыженков, 2014]. Категории общенародного и национального достояния исчезают и из Основного Закона, при этом законодатель в целом отказывается от идеи включения в Конституцию нормы-принципа в отношении собственности на землю, в том числе государственной.

Немногие положения Конституции СССР 1924 г., представляющие интерес для науки земельного права, сводятся к следующему.

Во-первых, в соответствии с п. «н» ст. 1 «установление общих начал землеустройства и землепользования, а равно пользования недрами, лесами и водами на всей территории Союза Советских Социалистических Республик» подлежат ведению самого СССР и его верховных органов, а не советским республикам. Также к ведению центра отнесено «общесоюзное законодательство о межреспубликанских переселениях и установление переселенческого фонда» (п. «о» ст. 1).

Во-вторых, существенно то, что в 1924 году не существует союзного народного комиссариата земледелия: согласно ст. 67 Конституции, народные комиссары земледелия включаются в состав республиканских Советов народных комиссаров (СНК). Ст. 51 и 52, представляющие перечень общесоюзных и объединенных народных комиссариатов не содержат пункта о народном комиссариате земледелия союзного уровня. Соответственно, можно предположить, что отказ от создания профильного земельного ведомства на высшем уровне свидетельствует не только о готовности делегировать на республиканский уровень полномочия по решению земельных вопросов, но и об отсутствии у центральной власти замысла переходить к централизованной политике в данной сфере. Несмотря на то, что в конце 1920-х гг. СССР возьмет курс на сплошную коллективизацию, во время принятия Конституции 1924 г. данная задача еще не числилась среди приоритетов советского руководства.

Подчеркнем, что отсутствие союзного народного комиссариата земледелия отражало принцип децентрализации земельного права, который Д.С. Розенблум комментировал следующим образом: «В высокой степени характерно для советского земельного права, что пространство его действия принципиально ограничивается пределами союзных республик, что каждая из последних имеет свой земельный кодекс, а Закавказская федерация – даже три, по числу входящих в нее республик: Азербайджана, Грузии и Армении. <...> По Конституции Союза и конституциям федераций не только каждая республика имеет свой особый народный комиссариат земледелия, но его имеет и каждая входящая в федерацию автономная республика» [Розенблум, 1927, с. 349, 350]. При этом в союзных республиках земельное законодательство «совершенно самостоятельно, так как народные комиссариаты земледелия являются необъединенными народными комиссариатами» [Розенблум, 1927, с. 350].

Децентрализация земельного права, отражая более широкий принцип самоопределения народностей, проявлялась и в иных сферах, в частности в отношениях по распределению земельных участков. Так, согласно ст. 3 ЗК РСФСР 1922 г. единый государственный земельный фонд находился в заведывании Народного Комиссариата Земледелия и его местных органов. В соответствии со ст. 157 ЗК РСФСР 1922 г. государственные земельные имущества состояли в общем заведывании и распоряжении Народного Комиссариата Земледелия и его органов и использовались ими либо в порядке непосредственного ведения хозяйства, либо путем предоставления их в пользование на

особых основаниях государственным и общественным организациям, учреждениям и предприятиям, а также отдельным лицам. В 1923 году в ЗК РСФСР 1922 г. были внесены изменения в целях приспособления его к особым условиям автономных социалистических советских республик и областей. В соответствии с Декретом ВЦИК от 29.03.1923 «Об изменениях Земельного Кодекса Р.С.Ф.С.Р. для автономных социалистических советских республик и автономных областей»¹ части земельного фонда, расположенные в пределах автономных социалистических советских республик, находятся в ближайшем непосредственном заведывании народных комиссаров земледелия этих республик и их местных органов (ст. 1). Кроме того, для всех автономных республик и автономных областей вводилось правило: при установлении очередностей наделения землей различных землепользователей при прочих равных экономических условиях устраиваемых групп населения в первую очередь наделяется туземное трудовое население (ст. 3). В советской юридической литературе указанные выше положения рассматривали как проявление «принципа преимущественного права трудового населения не только союзных, но и автономных республик на находящийся в их пределах сельскохозяйственный фонд» [Розенблюм, 1927, с. 350].

Интересно отметить, что на момент принятия Конституции 1924 г. общие начала землеустройства и землепользования², которые должны были обеспечить централизованность народного хозяйства, изданы не были. В этой связи обращает на себя внимание п. «з» ст. 1, в соответствии с которой в компетенцию СССР входило «установление основ и общего плана всего народного хозяйства Союза, определение отраслей промышленности и отдельных промышленных предприятий, имеющих общесоюзное значение, заключение концессионных договоров как общесоюзных, так и от имени союзных республик». Данная норма обеспечивала организацию народного хозяйства на единой, разработанной центром, основе. Кроме того, общность земельного законодательства в отсутствие союзных основ обеспечивали земельные кодексы союзных республик, которые во-многом дублировали положения ЗК РСФСР 1922 г.

Земельный вопрос в «Конституции победившего социализма»

Земельно-правовые положения Конституции 1936 г. являются результатом политики коллективизации, проводившейся в 1920–1930-е гг. Изучению данного вопроса посвящены труды как советских специалистов в области колхозного права³, так и историков⁴. Не останавливаясь на основных аспектах данного комплекса преобразований, обратим внимание на те нормы, следующие из этого политического курса, что были включены в Конституцию. В основе всей хозяйственной системы лежит концепт социалистической собственности, который в соответствии со ст. 5 разделяется на государственную собственность, также именуемую всенародным достоянием, и кооперативно-колхозную собственность. Сразу можно обратить внимание на эволюцию категории «всенародное достояние», которая стала полностью синонимична государственной собственности, что принципиально отличает «Конституцию победившего социализма» от Конституции РСФСР 1918 г. Закрепление большевиками своих политических достижений и переход к качественно новому этапу отношений государства с крестьянством обусловили отказ от практиковавшегося ранее определения всенародного достояния в максимально расплывчатой форме. Сталинский курс 1930-х гг. более не предполагал консенсус с крестьянством на взаимовыгодных условиях,

¹ Декрет ВЦИК от 29.03.1923 «Об изменениях Земельного Кодекса Р.С.Ф.С.Р. для автономных социалистических советских республик и автономных областей» // СУ РСФСР. 1923. № 26. Ст. 305.

² Общие начала землепользования и землеустройства (утв. Постановлением ЦИК СССР от 15.12.1928) // СЗ СССР. 1928. № 69. Ст. 642.

³ См., например: Аксененок Г.А., Григорьев В.К., Пятницкий П.П. Колхозное право. М., 1950. 296 с.

⁴ См., например: Зеленин И. Е. Совхозы в СССР. (1941-1950) / М., Наука, 1969. 344 с.

в результате чего власть прямо заявляет о своих претензиях, уравнивая категории всенародного достояния и государственной собственности. Эти рассуждения актуальны и в отношении собственности на землю: ст. 6 Конституции СССР 1936 г. прямо устанавливает, что «земля, ее недра, воды, леса, заводы, фабрики, шахты, рудники, железнодорожный, водный и воздушный транспорт, банки, средства связи, организованные государством крупные сельскохозяйственные предприятия (совхозы, машинно-тракторные станции и т. п.), а также коммунальные предприятия и основной жилищный фонд в городах и промышленных пунктах являются государственной собственностью, то есть всенародным достоянием». Коллективные же хозяйства получают землю лишь в пользование, пускай бесплатное и бессрочное, как гласит ст. 8 Конституции. При этом оговорено, что каждый колхозный двор имеет «в личном пользовании небольшой приусадебный участок земли и в личной собственности подсобное хозяйство на приусадебном участке, жилой дом...» (ст. 7).

Таким образом, в соответствии с Основным Законом 1936 г. сосуществуют социалистическая система хозяйства (как следствие – социалистическая собственность, в ст. 131 также именуется общественной) и мелкое частное хозяйство (личная собственность). Понятием «частная собственность» законодатель не оперирует в принципе, обращаясь вместо него к «личной собственности» (ст. 10). Далее происходит разграничение двух форм собственности в рамках социалистической, о чем было сказано выше, причем кооперативно-колхозная собственность также подразделяется на собственность отдельных колхозов и собственность кооперативных объединений. Применительно же к земле прямо прописано, что она является государственной собственностью, колхозы не имеют права собственности на землю, претендуя лишь на право пользования. Что касается личной собственности, декларируется право на жилой дом и подсобное домашнее хозяйство, но не на землю. Все это демонстрирует законодательное оформление завершенности переходного периода, из чего проистекает закрепление всего земельного фонда за государством. Де-факто национализация земли, изначально значившаяся в качестве программной цели раннего большевизма, была реализована, а концепт социализации земли, позаимствованный у эсеров в первые годы советской власти, исчерпал себя и остался на бумаге в форме декларируемого «всенародного достояния».

Вместе с тем интерес представляет и эволюция органов государственной власти, ответственных за выработку и принятие решений в области земельной политики. В частности, если ранее нами отмечалось, что Конституция 1924 г. не предполагала существование союзного народного комиссариата земледелия, то в «сталинской Конституции» этому посвящена ст. 78, представляющая перечень союзно-республиканских народных комиссариатов, к числу которых относится теперь и народный комиссариат земледелия. В этой связи уместно вспомнить, что народный комиссариат земледелия СССР был образован в 1929 году с целью проведения единого курса в области земельной политики в контексте перехода к сплошной коллективизации. По сравнению с Конституцией 1924 г. изменилась и сфера ведения центра в данной области: в п. «с» ст. 14 к ведению СССР отнесено «установление основных начал землепользования, а равно пользования недрами, лесами и водами», в то время как аналогичный пункт Конституции 1924 г. предусматривал также и установление основных начал землеустройства.

Земельный вопрос в «Конституции развитого социализма»

Конституция 1977 г., принятая в условиях руководства страной Л.И. Брежневым, останавливается на земельном вопросе в главе № 2 «Экономическая система» и развивает положения, значившиеся в Основном Законе 1936 г. Все также экономическая система базируется на социалистической и личной собственности. Формами социалистической собственности, в соответствии со ст. 10, являются государственная и колхозно-

кооперативная, причем первая приравнена к общенародной, а вторая теряет свое разделение на два «подвида», фигурировавшие в Конституции 1936 г. Достояние теперь является «общим», а не «всенародным» (ст. 11), само понятие используется лишь применительно к государственной собственности. В отношении земли сохраняются базовые постулаты: земля находится в «исключительной собственности государства» (ст. 11), а колхозы получают землю в бессрочное пользование. В то же время есть и существенные изменения. Детализировано, что за гражданами закреплено лишь право пользования землей, причем уточнено, что только «для ведения подсобного хозяйства (включая содержание скота и птицы), садоводства и огородничества, а также для индивидуального жилищного строительства» (ст. 13). В той же статье закреплены принцип рационального использования земельного участка, а также запрет на извлечение нетрудовых доходов из личной собственности гражданина и ее использование в ущерб общественным интересам. Заметим, что аналогичная норма появляется и в отношении колхозов: «колхозы, как и другие землепользователи, обязаны эффективно использовать землю, бережно относиться к ней, повышать ее плодородие» (ст. 12), а государство, в свою очередь, осуществляет поддержку колхозов, способствуя развитию их собственности.

Наконец, значимым шагом вперед советского законодателя является ст. 18 Конституции 1977 г., следующая как логике развития природоохранного законодательства в послевоенном СССР¹, так и общим мировым тенденциям: «В интересах настоящих и будущих поколений в СССР принимаются необходимые меры для охраны и научно обоснованного, рационального использования земли и ее недр, водных ресурсов, растительного и животного мира, для сохранения в чистоте воздуха и воды, обеспечения воспроизводства природных богатств и улучшения окружающей человека среды». В данной статье нашли свое отражение принцип обеспечения рационального использования природных ресурсов и принцип предотвращения вреда окружающей среде. Кроме того, если ранее земельное законодательство советской власти во многом являлось производным от политических запросов, формируемых самим историческим моментом, то переход к признанию необходимости защитить окружающую среду и обеспечить рациональное использование земли в интересах будущих поколений является показательным проявлением более долгосрочного планирования.

Заключение

Земельный вопрос, являвшийся одним из ключевых во время принятия Конституции РСФСР 1918 г., изначально решался большевиками в соответствии с политической необходимостью, требующей от ленинского правительства обеспечить максимальную лояльность крестьянского большинства в отношении партии. После завершения гражданской войны в России, а также на фоне формирования отраслевого законодательства советская власть постепенно ужесточает свой подход в области земельной политики, переводя землю в разряд государственной собственности. Если в условиях проведения новой экономической политики, когда принималась Конституция 1924 г., земельный вопрос не являлся ключевым для законодателя, то в «Конституции победившего социализма» 1936 г. эта проблематика вновь стала одной из основных в контексте колхозного строительства. Именно в Основном Законе 1936 г. формулируются ключевые земельно-правовые положения, на основе которых советское государство просуществовало большую часть времени. К таким положениям следует отнести разграничение социалистической и личной систем хозяйства, а также проистекающие из

¹ Как обоснованно замечает Г.А. Волков на содержании Конституции (Основного закона) 1977 г. несомненно отразились положения Основ земельного законодательства Союза ССР и союзных республик 1968 г. и ЗК РСФСР 1970 г. в части целей и задач земельного законодательства [Волков, 2022].

них формы собственности: государственную, кооперативно-колхозную и личную. Вся земля находилась в исключительной собственности государства, что знаменовало собой реализацию начального плана большевиков по национализации земли. Параллельно с этим наблюдалась и трансформация концепта всенародного достояния, который стал синонимичен государственной собственности. «Конституция развитого социализма» 1977 г. добавила к уже сформированной системе норм принципы землепользования, перейдя от логики политической необходимости к долгосрочному планированию. Эта эволюция во многом объясняется самими особенностями советского государственного строительства, проходившего в довоенное время в постоянной спешке и стремлении решить все неотложные, по мнению государственного и партийного руководства, политические задачи.

Список литературы

- Аверьянова Н.Н. 2010. Развитие положений о земле и других природных ресурсах в конституционном законодательстве России. *Конституционное и муниципальное право*. 5: 44–46.
- Аксененок Г.А., Григорьев В.К., Пятницкий П.П. 1950. Колхозное право. М., Гос. изд-во юрид. лит. 296 с.
- Анисимов А.П., Мелихов А.И. 2009. Конституционно-правовое регулирование права частной собственности на земельные участки: монография. Волгоград, Мастер, 216 с.
- Бринчук М.М. 2021. Специальный правовой режим природных ресурсов: концепция природы как народного достояния. *Экологическое право*. 6: 3–10. DOI: 10.18572/1812-3775-2021-6-3-10
- Бринчук М.М. 2022. Специальный правовой режим природных ресурсов: соотношение понятий «народное достояние» и «собственность». *Экологическое право*, 1: 3–9. DOI: 10.18572/1812-3775-2022-1-3-9.
- Волков Г.А. 2018. О методологии природоресурсных отраслей права. *Экологическое право*. 1: 3–12.
- Волков Г.А. 2022. Основные начала земельного права. *Экологическое право*, 1: 10–16. DOI: 10.18572/1812-3775-2022-1-10-16.
- Гряда Э.А. 2021. Особенности разрешительного типа правового регулирования земельных отношений. *Экологическое право*. 1: 8–13. DOI: 10.18572/1812-3775-2021-1-8-13
- Зеленин И. Е. Совхозы в СССР (1941–1950). М., Наука, 1969. 344 с.
- Кукушкин Ю.С., Чистяков О.И. 1987. Очерк истории Советской Конституции. М., Политиздат, 367 с.
- Никулин В.В. 2022. Продовольственная политика Советской России и крестьянство: к проблеме возникновения и развития конфликта между властью и крестьянством (1918–1920). *Современная научная мысль*, 6: 101–108. DOI: 10.24412/2308-264X-2022-6-101-108.
- Розенблюм Д.С. 1927. Земельное право. В кн.: Основы советского права. Под ред. Д. Магеровского. М., Л., Гос. изд-во. С. 347–419.
- Русин С.Н. 2012. Экологическая функция государства. Детерминанта развития. *Экологическое право*. 6: 9–14.
- Рыженков А.Я. 2014. Принципы современного земельного права: система и тенденции ее реформирования. *Российская юстиция*, 7: 6–9.
- Эйриян Г.Н. 2021. Сочетание интересов общества и частных интересов в регулировании использования земель. *Вестник Пермского университета. Юридические науки*, 54: 699–721. DOI: 10.17072/1995-4190-2021 -54-699-721.

References

- Aver'yanova N.N. 2010. Development of provisions on land and other natural resources in the constitutional legislation of Russia. *Konstitucionnoe i municipal'noe pravo*. 5: 44–46. (In Russian).
- Aksenenok G.A., Grigor'ev V.K., Pjatnickij P.P. 1950. Kolhoznoe pravo [Collective farm law]. M., Publ. Gos. izd. jurid. lit. 296 p.
- Anisimov A.P., Melihov A.I. 2009. Konstitucionno-pravovoe regulirovanie prava chastnoj sobstvennosti na zemel'nye uchastki [Constitutional and legal regulation of the right of private ownership of land] Volgograd, Publ. Master, 216 p.
- Brinchuk M.M. 2021. The Special Legal Regime of Environmental Resources: The Concept of Nature as National Wealth. *Jekologicheskoe pravo*. 6: 3–10. (In Russian). DOI: 10.18572/1812-3775-2021-6-3-10

- Brinchuk M.M. 2022. The Special Legal Regime of Environmental Resources: The Correlation between the Concepts of «Public Domain» and «Property». *Jekologicheskoe pravo*. 1: 3–9. (In Russian). DOI: 10.18572/1812-3775-2022-1-3-9.
- Volkov G.A. 2018. On Methodology of the Natural Resources Law Branches. *Jekologicheskoe pravo*, 1: 3–12. (In Russian).
- Volkov G.A. 2022. The Key Origins of Land Law. *Jekologicheskoe pravo*. 1:10–16. (In Russian). DOI: 10.18572/1812-3775-2022-1-10-16.
- Gryada E.A. The Peculiarities of the Permitting Land Regulation Legal Regime. *Jekologicheskoe pravo*. 1: 8–13. (In Russian). DOI: 10.18572/1812-3775-2021-1-8-13
- Zelenin I. E. 1969. *Sovhozy v SSSR (1941-1950)* [State farms in the USSR (1941-1950)]. M., Publ. Nauka. 344 p.
- Kukushkin Ju.S., Chistjakov O.I. 1987. *Oчерк istorii Sovetskoy Konstitucii* [Essay on the history of the Soviet Constitution]. 2-e izd., dop. M., Politizdat. 367 p. (In Russian).
- Nikulin V.V. 2022. Food policy of Soviet Russia and peasantry: to the problem of the origin and development of the conflict between the power and the peasantry (1918–1920). *Sovremennaja nauchnaja mysl'*, 6: 101–108. (In Russian). DOI: 10.24412/2308-264X-2022-6-101-108
- Rozenbljum D.S. 1927. *Zemel'noe pravo* [Land law]. In: *Osnovy sovetskogo prava*. [Fundamentals of Soviet law]. Ed. by D. Magerovskij. M., L., Publ. State Publishing House: 347–419.
- Rusin S.N. 2012. Ecological function of the state. Determinant of the development. *Jekologicheskoe pravo*. 6: 9–14. (In Russian).
- Ryzhenkov A.Ja. 2014. Principy sovremennogo zemel'nogo prava: sistema i tendencii ee reformirovanija [Principles of modern land law: system and trends in its reform]. *Rossijskaja justicija*. 7: 6–9.
- Eyrian G.N. 2021. Public and Private Interests in Regulation of Land Use. *Perm University Herald. Juridical Sciences*. 54: 699–721. (In Russian). DOI: 10.17072/1995-4190-2021 -54-699-721.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 21.12.2023

Поступила после рецензирования 26.01.2024

Принята к публикации 15.02.2024

Received December 21, 2023

Revised January 26, 2024

Accepted February 15, 2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Эйриян Гульнур Николаевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права, Пермский государственный национальный исследовательский университет, г. Пермь, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Gulnur N. Eyrian, Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Civil Law, Perm State National Research University, Perm, Russia.